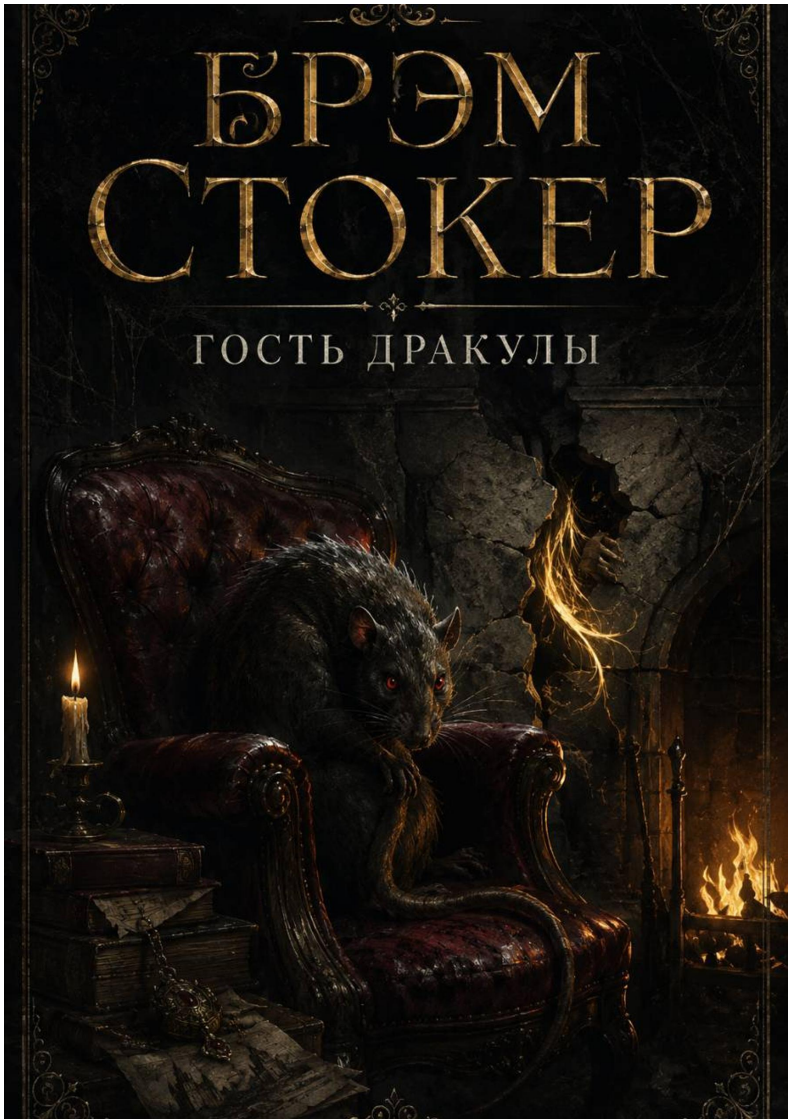

БРЭМ СТОКЕР

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Брэм Стокер

Гость Дракулы

<https://litres.ru/74040244>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вальпургиева ночь на заброшенном кладбище под Мюнхеном, где мёртвая графиня поднимается в агонии под ударом молнии; дом жестокого судьи, где огромная крыса садится в кресло у камина, а затем исчезает на верёвке набатного колокола;zybучий песок, пожирающий того, кто осмелился встретиться с собственным двойником. В этот сборник вошли девять историй Брэма Стокера, долгое время остававшихся в тени его бессмертного «Дракулы». Изъятая по требованию издателя глава о приключениях Джонатана Харкера открывает книгу, за которой следуют подлинные жемчужины готической прозы: от «Тайны растущего золота», где волосы убитой женщины прорастают сквозь могильный камень, до «Сна о красных руках» — трагической истории об искуплении ценою собственной жизни. Это страшное и завораживающее путешествие в самое сердце викторианского хоррора, где зло почти всегда рукотворно, а возмездие неумолимо.

Содержание

Глава	4
Гость Дракулы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Брэм Стокер

Гость Дракулы

Глава

От редактора

Абрахам «Брэм» Стокер родился 8 ноября 1847 года в дублинском предместье Клонтарф в семье ирландского клерка. Слабый здоровьем ребёнок — до семи лет он не мог самостоятельно ходить — превратился в студента дублинского Тринити-колледжа, а затем и в атлетически сложенного мужчину. Получив диплом с отличием по математике, он поступил на гражданскую службу, одновременно ведя театральную критику в *Dublin Evening Mail* (газета принадлежала известному автору готических историй Шеридану Ле Фаню, что не могло не повлиять на юного Стокера). Жизнь его круто изменилась после встречи в 1876 году с великим актёром Генри Ирвингом. Восхищённая рецензия на его Гамлета переросла в тесную дружбу, и спустя два года Стокер оставил службу, чтобы стать личным секретарём и менеджером лондонского театра «Лицеум», которым управлял Ирвинг. Эта должность давала ему достаточно свободного времени для литературной работы: за годы жизни в Лондоне он написал десятки рассказов и множество романов. Его первая книга

увидела свет ещё в 1879 году, но настоящая слава пришла лишь с романом «Дракула» (1897), вобравшим в себя европейские легенды о вампирах и восхищение ирландца таинственной Трансильванией. Ирония судьбы: этот шедевр готического ужаса родился в театральном антураже — многие исследователи полагают, что свирепый абсурд, кровожадная логика и та сцена, где три невесты тянутся к горлу Джона-тана, были навеяны бульварными фарсами и мелодрамами, которые Стокер ставил на сцене «Лицеума».

Остальные его сочинения — будь то готический роман о египетском проклятии «Сокровище семи звёзд» (1903), змеиный хоррор «Логово Белого Червя» (1911) или морской триллер «Тайна моря» (1902) — при жизни автора оставались в тени его знаменитого вампира. Однако именно малая проза, где Стокер безжалостно оттачивал приёмы — зловещие совпадения, искажённые двойники, медленно раскрывающиеся семейные тайны, — ставила его вровень с лучшими мастерами жанра, от Эдгара По до Амброза Бирса.

Сборник, который вы держите в руках, увидел свет уже после смерти автора. Вдова Стокера Флоренс издала его в 1914 году под названием «Dracula's Guest and Other Weird Stories», включив в него девять рассказов, большинство из которых были написаны в последнее десятилетие XIX века. Открывает сборник заглавная история — та самая изъятая глава из «Дракулы», удалённая по требованию издателя ради сокращения объёма. В ней читатель впервые встречается

с Джонатаном Харкером (герой назван анонимным «англичанином») за несколько недель до его путешествия в Трансильванию — в Вальпургиеву ночь он оказывается на заброшенном кладбище под Мюнхеном, где таинственное вмешательство графа спасает его от верной гибели.

Остальные рассказы сборника — чистый, безжалостный ужас, далёкий от романтического ореола, который всё ещё окружал вампирскую тему в конце XIX века. Кошка, способная следовать за врагом через весь земной шар («Скво»); крысиный король, засевший в камере пыток Нюрнбергской башни («Похороны крыс»); зыбучий песок, пожирающий ту самую суетную фигуру, которая только что смотрела на вас с другой скалы («Песчаная отмель Крукен»); любовный треугольник, замкнувшийся на дне штормового моря («Пришествие Авела Бехенны»), — в каждой из этих новелл Стокер находит ту одну жуткую, неотменимую деталь, вокруг которой строит весь сюжет.

Особого внимания заслуживает «Тайна растущего золота» — пожалуй, самая мрачная новелла сборника. Здесь Стокер разворачивает классическую дилемму готической литературы: расплата за преступление неизбежна и неумолима. Золотистые волосы убитой женщины, пробивающиеся сквозь трещину в камне, растут с каждым часом, наполняя ужасом и мучителя, и его молодую жену, которая не понимает, откуда берётся это жуткое золото. Джеффри Brent — один из самых сильных персонажей Стокера за пределами

вампи́рской саги: типичный представитель вырождающегося рода, красивый, жестокий и беспринципный, он вызывает одновременно отвращение и трагическое сочувствие, когда мы видим его скованным у камина, охваченного страхом, от которого он уже не может избавиться. «Золото» растёт, и вместе с ним растёт его ужас — пока смерть не заберёт обоих.

В другом ключе — но столь же сильном — написан «Дом судьи». Здесь ужас не в кровавом возмездии, а в психологическом надломе студента, который ночь за ночью наблюдает, как огромная крыса садится в кресло судьи, а затем превращается в самого судью. Стокер мастерски смешивает рациональное объяснение (крысы, игра воображения) с потусторонним ужасом, и читатель до последнего не знает, чему верить. Малькольм Малькольмсон, готовящийся к экзамену по математике и полагающий, что эллиптические функции — единственное, что заслуживает его внимания, оказывается беспомощной жертвой собственного рационализма, когда сталкивается с тем, что не поддаётся вычислениям. Едва ли не самый сильный момент рассказа — сцена, где картина судьи на стене пустеет, а фигура переселяется в то самое кресло, где сидел студент: иллюзия и реальность сливаются в единый кошмар.

«Цыганское пророчество» — ещё одна жемчужина сборника, где Стокер играет с древним мотивом самосбывающегося предсказания. Молодожёны Джошуа и Мэри Конси-

дайн, услышав от цыганки, что муж убьёт жену, пытаются избежать судьбы, но в итоге именно их попытки обмануть рок приводят к трагедии. Здесь, как и в «Тайне растущего золота», Стокер проводит мысль о том, что зло, раз посеянное в сознании, растёт само собой — и никакая рациональная попытка его остановить не способна изменить ход событий. Рассказ тем и страшен, что его финал — разбитое кольцо, рука на перевязи — оставляет надежду, но не даёт уверенности, что пророчество окончательно не сбылось.

Сборник завершается историей, которая при жизни Стокера считалась одной из самых сильных его работ, — «Сон о красных руках». Человек, убивший когда-то соблазнителя своей невесты, всю жизнь мучается видением: у ворот Рая ангелы отказываются впустить его, потому что белые одежды, которые он должен надеть, залиты кровью с его рук. Стокер трактует древнюю мистическую тему «руки убийцы» без всякой готической условности — преступник сам становится палачом собственной души, его кара не во внешнем возмездии, а в вечном чувстве вины, которая растёт, пока не заполнит всё сознание. Искупление приходит только в момент настоящего героизма — когда Сеттл, оказавшись в газгольдере, держит товарища над водой, пока сам задыхается и тонет. Его руки, когда его вытаскивают, по-прежнему красны — но то уже не кровь вины, а добровольная жертва.

Переводы для этого издания выполнены по принципу свободного прозаического пересказа: мы стремились передать

не букву, а дух оригинала, освободить сюжеты Стокера от тяжеловесного синтаксиса и громоздких метафор, нередких в переводах XIX века. Кое-где пришлось пожертвовать витиеватостью викторианской прозы ради простоты и естественности русской фразы. Имена оставлены в том написании, которое традиционно закрепилось в русскоязычной традиции (Брэм Стокер, а не Брэм Стоукер; Авел Бехенна, а не Авель Бегенна), кроме тех случаев, где мы сочли необходимым приблизить транслитерацию к оригинальному звучанию. Нам хотелось, чтобы читатель, открывший эту книгу, получил подлинное, ничем не заслонённое удовольствие от встречи с одним из самых изобретательных и мрачных умов викторианской эпохи — и возможно, увидел в «малом» Стокере не только автора хрестоматийного вампира, но и безупречного мастера «короткого ужаса».

Ваш покорный слуга, редактор

Предисловие

За несколько месяцев до безвременной кончины моего мужа — можно сказать, когда тень смерти уже легла на него, — он задумал три сборника рассказов для публикации, и настоящая книга — один из них. К составленному им самим списку историй я добавила один не издававшийся прежде эпизод из «Дракулы». В своё время он был исключён из-за объёма романа и, возможно, заинтересует многочисленных читателей того, что считается самым замечательным произведением моего мужа. Остальные рассказы уже выходили в

английских и американских периодических изданиях. Проживи муж дольше, он, вероятно, счёл бы нужным пересмотреть эту книгу, которая по большей части относится к ранним годам его напряжённой жизни. Но поскольку судьба доверила мне выпуск этого сборника, я полагаю правильным и уместным издать его практически в том виде, в каком он был им оставлен.

Флоренс Брэм Стокер

Гость Дракулы

Когда мы отправились на прогулку, над Мюнхеном ярко светило солнце — стоял погожий летний день. Когда мы уже собрались ехать, герр Дельбрюк, метрдотель «Четырёх сезонов», где я остановился, вышел без шляпы к экипажу и, пожелав мне приятной поездки, обратился к кучеру, всё ещё держа руку на дверце:

— Смотри, вернись затемно. Небо ясное, но от северного ветра дрожь пробегает — быть внезапной буре. Впрочем, я

уверен, ты не опоздаешь. — Тут он улыбнулся и добавил: — Ты же знаешь, какая нынче ночь.

Иоганн ответил решительным «Ja, mein Herr», коснулся шляпы и быстро погнал лошадей. Когда мы выехали из города, я велел ему остановиться и спросил:

— Скажи, Иоганн, что нынче за ночь?

Он перекрестился и ответил:

— Вальпургиева ночь.

Затем достал часы — большущие, старомодные, из немецкого серебра, величиной с репу, — взглянул на них, сдвинув брови, и нетерпеливо пожал плечами. Я понял: это его способ вежливо возразить против лишней задержки, и откинулся в экипаже, лишь жестом велел ему ехать. Он рванул с места, торопясь наверстать упущенное. Временами лошади скидывали головы и с подозрением нюхали воздух. В такие минуты я и сам с тревогой оглядывался.

Дорога была довольно унылой — мы ехали по высокой, продуваемой ветрами равнине. Вскоре я заметил просёлок, казавшийся почти заброшенным; он нырнул в маленькую извилистую лощину. Выглядело это заманчиво, и, даже рискуя рассердить кучера, я крикнул Иоганну остановиться; когда он осадил лошадей, я сказал, что хочу свернуть на ту дорогу. Он принялся отговариваться всячески, то и дело крестился. Это разожгло моё любопытство, и я задал ему несколько вопросов. Он уклонялся от ответов и постоянно поглядывал на часы в знак протеста. Наконец я сказал:

— Ладно, Иоганн, я хочу поехать этой дорогой. Я не заставляю тебя, если не хочешь; но скажи, почему ты не хочешь — вот всё, что мне нужно.

В ответ он мигом спрыгнул с козел. Затем взмолился ко мне, протянув руки, и стал умолять не ездить туда. Он говорил вперемешку по-английски и по-немецки, но я уловил суть. Он вот-вот скажет мне что-то — но мысль об этом пугала его; каждый раз он брал себя в руки, крестился и произносил: «Вальпургиева ночь!»

Я попытался спорить, но трудно спорить с человеком, языка которого не знаешь. Преимущество было на его стороне: хотя он начинал говорить по-английски, ломано и отрывисто, он быстро заводился и переходил на родную речь — и всякий раз при этом смотрел на часы. Тут лошади снова забеспокоились и принялись нюхать воздух. Иоганн побледнел, испуганно огляделся, прыгнул вперёд, схватил их под уздцы и отвёл шагов на двадцать. Я последовал за ним и спросил, зачем он это сделал.

В ответ он перекрестился, показал на место, откуда мы ушли, повернул экипаж в сторону другой дороги, указал на перекрёсток и произнёс сначала по-немецки, затем по-английски:

— Закопали его — того, кто сам себя убил.

Я вспомнил старый обычай хоронить самоубийц на перекрёстках.

— А! Понимаю. Самоубийца. Как интересно!

Но как я ни бился, не мог взять в толк, почему испугались лошади.

Пока мы разговаривали, послышался звук — не то вой, не то лай. Далеко. Но лошади стали беспокойными, и Иоганну с трудом удалось их утихомирить. Он был бледен и сказал:

— Похоже на волка... но ведь тут теперь нет волков.

— Нет? — переспросил я. — Давно ли волки не подходили так близко к городу?

— Давно, давно, — ответил он. — Весной и летом; но со снегом волки приходили не так давно.

Пока он гладил лошадей и пытался их успокоить, по небу стремительно понеслись тёмные тучи. Солнце скрылось, и повеяло холодным ветром. Впрочем, только повеяло — скорее предупреждение, чем настоящая непогода, потому что солнце снова ярко выглянуло. Иоганн глянул на горизонт из-под поднятой ладони и сказал:

— Скоро будет снежная буря.

Затем снова посмотрел на часы, крепче взял вожжи — лошади всё ещё нетерпеливо били копытами и трясли головами — и влез на козлы, будто настало время продолжать путь.

Меня взяло упрямство, и я не сразу сел в экипаж.

— Расскажи мне, — сказал я, указывая вниз, — про эту дорогу, куда она ведёт.

Он снова перекрестился и пробормотал молитву, прежде чем ответить:

— Место нечистое.

— Что значит «нечистое»? — спросил я.

— Деревня.

— Так там есть деревня?

— Нет, нет. Там никто не живёт сотни лет.

Мне стало ещё любопытнее.

— Но ты сказал, что там была деревня.

— Была.

— Где же она теперь?

Тут он разразился длинным рассказом — по-немецки и по-английски, так всё перемешав, что я не вполне понял, что именно он говорит, но примерно уяснил: давным-давно, сотни лет назад, там умирали люди, их закапывали в могилы; из-под земли слышались звуки, и когда могилы вскрывали, оказывалось, что мужчины и женщины лежат розовые, живые, и рты у них красные от крови. И тогда, торопясь спасти свои жизни (да, и души тоже! — и тут он перекрестился), те, кто ещё оставался, бежали в другие места, где живые живут, а мёртвые мертвы и не — не что-то. Последних слов он явно боялся вымолвить.

По ходу рассказа он всё больше распалялся. Собственное воображение захватило его, и закончил он настоящим припадком страха — белый, в испарине, дрожит, оглядывается, словно ждёт, что сейчас посреди яркой равнины, под открытым солнцем, явится какое-то жуткое присутствие. Наконец, в отчаянии, он воскликнул:

— Вальпургиева ночь! — и указал на экипаж, приглашая

меня сесть.

Тут во мне вскипела вся моя английская кровь. Я отступил назад и сказал:

— Ты боишься, Иоганн. Ты боишься. Поезжай домой, я вернусь один — прогулка пойдёт мне на пользу.

Дверца экипажа была открыта. Я взял с сиденья свою дубовую трость — всегда беру её в прогулки на каникулах — и захлопнул дверцу, указав в сторону Мюнхена.

— Поезжай домой, Иоганн. Вальпургиева ночь не касается англичан.

Лошади теперь нервничали сильнее прежнего, Иоганн пытался их удержать, но при этом исступлённо умолял меня не делать такой глупости. Мне было жаль беднягу — он говорил совершенно искренне, но я всё равно не мог не рассмеяться. Английский у него к тому времени совсем пропал. В своей тревоге он забыл, что единственный способ объясниться со мной — говорить на моём языке, и затараторил на родном немецком. Это начало меня утомлять. Отдав приказание «Домой!», я повернул на просёлок, ведущий в долину.

Иоганн с жестом отчаяния повернул лошадей к Мюнхену. Я опёрся на трость и смотрел ему вслед. Он медленно ехал по дороге; затем на гребне холма показался человек — высокий, тощий. На таком расстоянии я мог различить не больше. Когда он приблизился к лошадям, те начали прыгать и брыкаться, потом заржали в ужасе. Иоганн не смог их удержать — они понесли, в панике устремившись вперёд. Я смотрел,

пока они не скрылись из виду, потом поискал глазами незнакомца, но обнаружил, что и он исчез.

С лёгким сердцем я свернул на просёлок, уходивший в углубляющуюся долину — туда, куда возражал Иоганн. Я не видел ни малейшего повода для его возражений; и, должно быть, отшагал часа два, не думая ни о времени, ни о расстоянии и уж точно не встретив ни души, ни дома. Что до местности, это было само запустение. Но я не придал этому значения, пока на повороте дороги не увидел редющую опушку леса — только тут я понял, что безотчётно чувствовал всю пустынность края, через который прошёл.

Я сел отдохнуть и огляделся. Стало значительно холоднее, чем в начале прогулки; вокруг слышался какой-то вздыхающий звук, а иногда, высоко над головой, глухой раскатистый гул. Я поднял глаза: по небу, с севера на юг, на большой высоте быстро неслись густые плотные тучи. Признаки грядущей бури давали о себе знать в высоких слоях воздуха. Я продрог, и, решив, что это оттого, что я сижу без движения после ходьбы, я продолжил путь.

Местность вокруг стала теперь гораздо живописнее. Не было броских деталей, которые сразу бросались бы в глаза, но во всём чувствовалась некая красота. Я перестал замечать время, и только когда начали сгущаться сумерки, я вдруг подумал, как же мне теперь отыскать дорогу домой. Дневной свет ушёл. Воздух сделался холодным, а высоко над головой полёт туч стал заметнее. Их сопровождал далёкий шум бе-

га, и в этом шуме время от времени слышался таинственный крик — тот самый, который кучер называл волчьим. Я помедлил. Но я сказал, что посмотрю заброшенную деревню, и пошёл дальше; вскоре я вышел на широкий участок открытой земли, со всех сторон зажатый холмами. Склоны холмов поросли лесом, спускавшимся к равнине и кое-где, островками, покрывавшим более пологие склоны и ложбины. Я проследил взглядом изгиб дороги и увидел, что она подходит почти вплотную к одному из самых густых таких островков и исчезает за ним.

Пока я смотрел, воздух дрогнул холодом, и пошёл снег. Я подумал о милях и милях унылой местности, которую прошёл, и заторопился укрыться в лесу, что был впереди. Небо темнело, снег падал всё чаще и тяжелее, и вскоре земля вокруг меня стала блестящим белым ковром, дальний край которого терялся в туманной дымке. Дорога тут была едва намечена, а на ровных участках её границы не так заметны, как в выемках; вскоре я понял, что, должно быть, сбился с пути — под ногами исчезла твёрдая поверхность, и я всё глубже проваливался в траву и мох.

Ветер усиливался, дул со всё возрастающей силой, и в конце концов я побежал вперёд, спасаясь от него. Воздух стал ледяным, и, несмотря на ходьбу, мне начало доставаться. Снег валил так густо и кружился вокруг меня такими быстрыми вихрями, что я с трудом разлеплял глаза. Временами небо раздирали ослепительные молнии, и при их вспышках

я видел впереди огромную массу деревьев — в основном тисы и кипарисы, все густо покрытые снегом.

Вскоре я оказался под защитой деревьев, и там, в относительной тишине, мог слышать, как в вышине гудит ветер. Мало-помалу чёрная буря смешалась с ночной темнотой. Потом буря стала утихать: теперь она прорывалась лишь редкими сильными порывами. В такие мгновения странный волчий вой подхватывался множеством похожих звуков вокруг меня.

Время от времени сквозь чёрную массу плывущих туч пробивался одинокий луч луны — он освещал простор и показывал, что я на краю густой чащи кипарисов и тисов. Снег перестал, я вышел из-под укрытия и принялся всё внимательно разглядывать. Я подумал, что среди множества старых фундаментов, мимо которых я проходил, мог ещё стоять дом, в котором, пусть даже в руинах, я нашёл бы на время какое-то убежище. Огибая опушку, я заметил, что её окружает невысокая стена; я пошёл вдоль неё и вскоре нашёл проход. Здесь кипарисы образовывали аллею, ведущую к какому-то квадратному строению. Но как раз когда я его увидел, бегущие тучи снова заслонили луну, и я двинулся по аллее в темноте. Ветер, должно быть, стал ещё холоднее — я дрожал на ходу; но впереди маячило укрытие, и я брёл вслепую.

Я остановился — наступила внезапная тишина. Буря прошла; и, может быть, в ответ на это безмолвие природы, моё сердце перестало биться. Но только на миг: внезапно луна

прорвалась сквозь тучи, и я увидел, что нахожусь на кладбище, а квадратный предмет передо мной — огромное массивное надгробие из мрамора, белого, будто снег, что лежал на нём и вокруг. Вместе с лунным светом пришёл яростный вздох бури — она возвращалась на свой путь, издавая долгий, низкий вой, похожий на вой множества собак или волков. Меня охватили благоговение и страх, холод ощутимо усилился, пока не сдавил сердце. И тут, под лунным светом, всё ещё заливавшим мраморную гробницу, буря дала новые признаки возобновления — возвращалась по своим следам. Повинуясь наваждению, я приблизился к усыпальнице, чтобы понять, что это такое и почему она стоит здесь одна. Я обошёл её и прочитал над дорической дверью по-немецки:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН ИЗ ГРАЦА

В ШТИРИИ

ИСКАЛА И НАШЛА СМЕРТЬ

1801

На верхушке гробницы — пробив сплошной мрамор (сооружение состояло из нескольких огромных каменных глыб), — торчал большой железный шип, или кол. Зайдя сзади, я увидел вырезанное крупными русскими буквами:

«Мёртвые едут быстро».

Во всём этом было нечто настолько жуткое и необъяснимое, что меня передёрнуло и я чуть не лишился чувств.

Впервые я пожалел, что не послушался Иоганна. Тут меня осенило — почти при загадочных обстоятельствах, с вне-

запностью. Ведь сегодня — Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь, когда, по поверью миллионов людей, дьявол бродит на свободе — когда открываются могилы и мёртвые выходят, чтобы ходить по земле. Когда всё злое, что есть на земле, в воздухе и в воде, справляет свой шабаш. Этого самого места кучер особо избегал. Это и была та опустевшая сотни лет назад деревня. Там лежал самоубийца. И здесь я остался один — беззащитный, дрожащий от холода под саваном снега, а надо мной снова собиралась буря! Мне понадобилась вся моя философия, вся вера, которой меня учили, всё моё мужество, чтобы не рухнуть в приступе ужаса.

И тут на меня обрушился настоящий смерч. Земля затряслась, будто тысячи лошадей пронесли по ней галопом; и на этот раз буря несла на своих ледяных крыльях не снег, а крупный град, который летел с такой силой, точно его метали из пращей балеарских стрелков, — град сбивал листья и ветки и делал укрытие кипарисов столь же ненадёжным, словно их стволы были стеблями злаков. Сперва я бросился к ближайшему дереву, но скоро вынужден был его покинуть и искать единственное место, которое могло служить убежищем, — глубокий дорический дверной проём мраморной гробницы. Там, прижавшись к массивной бронзовой двери, я получил некоторую защиту от ударов града — теперь они попадали в меня лишь отскакивая от земли и мраморной стены.

Прислонившись к двери, я почувствовал, что она слегка шевельнулась и открылась внутрь. В этой беспощадной буре

было желанно даже укрытие в склепе. Я уже собрался войти, как вдруг сверкнула раздвоенная молния, осветившая всё небо. В то же мгновение — клянусь, что я жив — когда мой взгляд обратился во тьму гробницы, я увидел прекрасную женщину с округлыми щеками и алыми губами — она спала на катафалке. Грянул гром, и меня схватила рука великана и швырнула прочь в бурю. Всё случилось так быстро, что, не успев осознать потрясение — ни душевное, ни физическое, — я уже был сбит с ног градом. В тот же миг меня охватило странное, властное ощущение: я не один. Я взглянул на гробницу. Тут же сверкнула другая ослепительная вспышка — она ударила в железный кол, венчавший склеп, и ушла в землю, взорвав и раскрошив мрамор в снопе пламени. Мёртвая женщина на миг приподнялась в агонии, объятая огнём, и её горький крик боли потонул в громовом ударе. Последнее, что я слышал, — это смешение ужасных звуков; потом меня снова схватила гигантская рука и потащила прочь, а град хлестал по мне, и воздух вокруг гудел от волчьего воя. Последним, что я запомнил, было неясное, белое, движущееся облако — словно все могилы вокруг выпустили призраков своих мертвецов в саванах, и они смыкались вокруг меня сквозь белую пелену летящего града.

Постепенно ко мне возвращалось смутное подобие сознания; затем — чувство изнурительной усталости, и это было ужасно. Некоторое время я ничего не помнил; но мало-помалу ощущения вернулись. Ноги раздирали от боли, и всё

же я не мог ими пошевелить. Они онемели. Затылок и вся спина леденили, уши, как и ступни, были мёртвыми — но в муке; зато в груди было тепло, по сравнению с остальным почти блаженное. Это походило на кошмар — физический кошмар, если можно так выразиться: какая-то тяжесть лежала на груди и не давала дышать.

Этот полуветаргический сон длился бесконечно, а когда он стал рассеиваться, я, должно быть, заснул или впал в забытьё. Затем накатила тошнота — как на первой стадии морской болезни, — и дикое желание освободиться от чего-то, сам не знаю от чего. Огромная тишина обступила меня, будто весь мир спал или умер, — её нарушало лишь низкое дыхание, совсем рядом, как у какого-то зверя. Тёплое, шершавое прикосновение к горлу — и тут до меня дошла ужасная правда, от которой сердце похолодело, а кровь хлынула к голове. На мне лежал огромный зверь и теперь лизал моё горло. Я боялся пошевелиться — какое-то осторожное чутьё велело лежать смирно; но тварь, похоже, почувствовала во мне перемену, потому что подняла голову. Сквозь ресницы я увидел над собой два пылающих глаза гигантского волка. Острые белые клыки блеснули в разинутой красной пасти, и я ощутил его горячее дыхание — едкое, яростное.

Потом я снова ничего не помнил. Затем сквозь забытьё до меня донёсся низкий рык, перешедший в визг — раз за разом. И, уже совсем далеко, я услышал: «Эгей! Эгей!» — будто много голосов кричало в унисон. Осторожно припод-

няв голову, я посмотрел в ту сторону, откуда шёл звук, но кладбище заслоняло обзор. Волк продолжал странно повизгивать, и вокруг рощицы кипарисов начал двигаться красный отсвет — словно следовал за звуком. Когда голоса приблизились, волк заскулил быстрее и громче. Я боялся издать хоть звук, шевельнуться. Красный свет подходил всё ближе, скользя по белой пелене, уходящей во тьму вокруг меня. И вдруг из-за деревьев рысью выехал отряд всадников с факелами. Волк спрыгнул с моей груди и бросился к кладбищу. Я увидел, как один из всадников (по фуражкам и длинным военным плащам — солдаты) вскинул карабин и прицелился. Товарищ сбил его руку вверх, и пуля просвистела у меня над головой. Он, очевидно, принял моё тело за волка. Другой прицелился в зверя, когда тот крался прочь, и выстрелил следом. Затем отряд поскакал вперёд — одни ко мне, другие за волком, который скрылся среди заснеженных кипарисов.

Когда они подъехали ближе, я попытался пошевелиться, но не смог, хотя всё видел и слышал. Двое или трое солдат спрыгнули с лошадей и опустились рядом со мной на колени. Один приподнял мне голову и приложил руку к сердцу.

— Хорошая весть, товарищи! — крикнул он. — Сердце бьётся!

Мне влили в рот коньяку; это придало мне сил, и я смог широко открыть глаза и оглядеться. Свет и тени двигались среди деревьев, я слышал, как солдаты перекликались. Они сошлись вместе, испуганно восклицая, и огни заметались —

остальные высыпали из кладбища вперемешку, как одержимые. Когда те, кто был дальше, приблизились к нам, окружившие меня принялись наперебой спрашивать:

— Ну что, нашли его?

Ответ прозвучал поспешно:

— Нет! Нет! Уходите скорее — скорее! Не место здесь оставаться, и в такую-то ночь!

— Что там было? — спрашивали разными голосами. Ответы сыпались разноречивые, сбивчивые — будто людей одинаково тянуло сказать, но общий страх мешал высказать мысли.

— Оно — оно — вот именно! — залепетал один, у которого на миг сдали нервы.

— Волк — и не волк! — вздрагивая, вставил другой.

— Бесполезно за ним охотиться без освящённой пули, — заметил третий уже более спокойно.

— Так нам и надо, что выехали в такую ночь! Точно, заработали свою тысячу марок! — воскликнул четвёртый.

— На расколотом мраморе была кровь, — сказал после паузы ещё один. — Молния туда её не заносила. А он — цел? Гляньте на его шею! Видите, товарищи, волк лежал на нём и грел ему кровь.

Офицер взглянул на моё горло и ответил:

— Всё в порядке, кожа не пробита. Что всё это значит? Мы бы никогда его не нашли, если бы не волчий визг.

— Куда он делся? — спросил солдат, поддерживавший

мою голову, — он меньше других поддался панике, руки у него не дрожали. На рукаве у него был шеврон унтер-офицера.

— Ушёл к себе домой, — ответил тот, чьё длинное лицо было бледным, и он буквально трясся от страха, опасливо оглядываясь. — Там могил хватит, где ему лежать. Идёмте, товарищи, идёмте скорее! Уйдём с этого проклятого места.

Офицер приподнял меня, усадил, отдав короткую команду; затем несколько человек посадили меня на лошадь. Он вскочил в седло позади меня, придержал, скомандовал выступать, и, отвернувшись от кипарисов, мы быстро поскакали военным порядком.

Язык мне пока не подчинился, и я поневоле молчал. Должно быть, я уснул; следующее, что я запомнил: стою, поддерживаемый с двух сторон солдатами. Уже почти рассвело, и на севере кровавая полоска солнечного света отражалась на снежной пустоши, точно кровавый след. Офицер приказывал солдатам ничего не рассказывать из увиденного, кроме того, что нашли заблудившегося англичанина, которого сторожила большая собака.

— Собака! Это была не собака, — перебил тот, кто так перепугался. — Кажется, я волка отличу, когда увижу.

Молодой офицер ответил спокойно:

— Я сказал — собака.

— Собака! — иронически повторил тот. Было видно, что с восходом солнца к нему вернулась храбрость; указав на ме-

ня, он сказал: — Посмотрите на его шею. Разве это работа собаки, господин офицер?

Я машинально поднёс руку к горлу и при прикосновении вскрикнул от боли. Солдаты столпились, разглядывая, некоторые нагибались с сёдел; и снова раздался спокойный голос молодого офицера:

— Собака, как я и сказал. Если скажешь что-то другое — только на смех поднимут.

Меня посадили на круп кавалеристу, и мы въехали в предместья Мюнхена. Тут нам попалась свободная карета, меня уложили в неё и отвезли в «Четыре сезона» — молодой офицер поехал со мной, а кавалерист с лошастью следом, остальные же отправились в свои казармы.

Когда мы подъехали, герр Дельбрюк так стремительно сбежал по ступеням мне навстречу, что стало ясно: он ждал, выглядывая изнутри. Он взял меня за обе руки и заботливо провёл внутрь. Офицер отсалютовал мне и уже повернулся уходить, но я понял его намерение и настоял, чтобы он поднялся в мои комнаты. За стаканом вина я горячо поблагодарил его и его храбрых товарищей за своё спасение. Он просто ответил, что более чем рад и что герр Дельбрюк с самого начала позаботился о том, чтобы все участники поисков остались довольны; при этих двусмысленных словах метрдотель улыбнулся, а офицер сослался на службу и удалился.

— Но, герр Дельбрюк, — спросил я, — как и почему случилось, что солдаты отправились меня искать?

Он пожал плечами, принижая свою заслугу, и ответил:

— Мне посчастливилось получить разрешение от командира полка, в котором я служил, на привлечение добровольцев.

— Но откуда вы узнали, что я пропал? — спросил я.

— Кучер приехал сюда с остатками экипажа — его перевернуло, когда лошади понесли.

— Но неужели вы отправили бы поисковый отряд солдат только из-за этого?

— О нет! — ответил он. — Но ещё до прибытия кучера я получил телеграмму от того боярина, у которого вы гостите.

Он достал из кармана телеграмму и протянул мне. Я прочитал:

Бистриц.

Берегите моего гостя — его безопасность для меня драгоценна. Если с ним что-нибудь случится или если он пропадёт, не жалейте ничего, чтобы найти его и обезопасить. Он англичанин, а значит, любит приключения. Часто бывает опасность от снега, волков и ночи. Не теряйте ни минуты, если заподозрите, что ему грозит беда. Я вознагражу ваше усердие моим состоянием. — Дракула.

Когда я держал телеграмму в руке, комната поплыла перед глазами; и, не подхвати меня внимательный метрдотель, я, кажется, упал бы. Во всём этом было нечто настолько странное, настолько жуткое и невообразимое, что меня охватило чувство — я стал игрушкой каких-то противоборствующих

сил; одна смутная мысль об этом парализовала меня. Несомненно, я находился под чьей-то таинственной защитой. Из далёкой страны, в самую последнюю минуту, пришло послание, которое вырвало меня из опасности снежного сна и волчьей пасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.